

Посвящается Эрику

Моя жизнь — ваша, ваша жизнь — моя, вы переживаете то, что переживаю я. Судьба у всех одна. Возьмите же это зеркало и взгляните в него.

Виктор Гюго. «Созерцания», предисловие

Да, один крик

Давно он не испытывал такого возбуждения, такого боевого задора, сметающего все сомнения, такой пьянящей уверенности, что час славы настал и незадавшаяся часть жизни теперь в прошлом. Он так долго ждал, терпя отказы и унижения во время актерских проб, язвительные замечания о том, что он-де, конечно, не харизматик, и голос у него какой-то тонковатый, и послужной список без особых козырей — и это несмотря на его участие в очень крепком сериале, который принес тогда телеканалу широчайшую аудиторию. Десятилетиями он то пережевывал собственные обиды, то тревожно ворочался в постели, иногда обретая забвение в теплых женских объятиях, — но никогда то не были женщины его мечты, скорее он как-то воплощал их грезы.

Когда же он сдал позиции? Он не мог бы назвать точную дату, это было какое-то постоянное

и губительное сползание под уклон, оно согнуло его, — так в тропиках постоянный ветер клонит стволы деревьев и лианы бугенвиллей.

Зато момент, когда все резко изменилось и жизнь внезапно перескочила на другие рельсы, когда настало то, что он считал невозможным, — этот момент Пакс запечатлеет в памяти с точностью и навсегда. И на пороге смерти он ясно вспомнит то 23 сентября и звонок мобильного телефона в момент интенсивной работы, и раздражение на лице коллеги. Он вспомнит, как трудно было сдерживать целую бурю эмоций, вызванную этим звонком, и как пытался задобрить Элизабет словами: «Со мной хочет встретиться Свеберг, — выходит, есть Бог на свете?»

Он засмеялся, сделал вид, что это лишь повод для шутки, но сам — сразу уверовал в чудо.

Элизабет захлопнула папку с бумагами, ее досада сменилась радостью, потом — спокойным удовлетворением. Значит, не зря она в свое время приняла его на работу в «Театрико». Если он получит эту роль, Элизабет сразу изменит презентацию модуля «Психологическая поддержка средствами театра». Клиенты тут жеотреагируют на новую информацию: каждому лестно поработать с артистом, которого ценит сам Петер Свеберг. А не получит роль — тоже не страшно, ситуацию всегда можно представить в нужном ракурсе: че-

ловека заметил многократный лауреат «Оскара», так что и на него лег свет легенды.

— Беги-беги, — милостиво бросила она Паксу, словно делая ему огромное одолжение.

Настоящая бизнес-леди, опытная предпринимательница с тремя дипломами — психотерапевта, психосоматика и коуча, — она раньше других поняла огромный потенциал театра и ролевых игр на производстве, а затем уловила рост сбоев и аварий на почве психосоциальных конфликтов. Она строила свой успех, с одной стороны, на распознавании слабой стороны у собеседника, а с другой — на умении видеть любую ситуацию с разных точек зрения и таким образом представлять ее по-новому. Например, это она убедила Пакса пожертвовать выходным, выйти на работу в субботу, чтобы помочь ей справиться с накопившейся документацией, — а теперь он почему-то испытывает неловкость, пулей вылетая из офиса.

Это чувство неловкости, смешанное с головокружительным ощущением того, что он — часть какого-то неведомого плана, который толкает его вперед, — это ощущение он тоже будет вспоминать до конца своих дней, размышляя о том, что случилось дальше. И каждый раз, читая в газете про каких-нибудь молодоженов, которые выиграли потрясающую поездку, а потом самолет разбился над Атлантикой, или про человека, сорвавшего в лото

миллион и потом в пух и прах разорившегося, и теперь живущего на жалкое пособие, или про человека, врезавшегося в платан, спеша на собственную свадьбу, — Пакс снова будет видеть себя, в счастливом неведении бегущего к пропасти.

Вот он проворно лавирует на тротуаре, уворачиваясь от колясок, огибая скамейки, полные неприкаянных подростков или стариков, выползших погреться на щедром осеннем солнце. Он едва замечает их, его тело наделено каким-то самостоятельным разумом, ибо мозг полностью занят невероятным сообщением от агента: Свеберг, приехавший в столицу Франции на выбор натуры, решил добавить в сценарий еще одного персонажа. Роль маленькая, но немаловажная: бармен в роскошном отеле, надежный и основательный человек, умеющий выслушать и помочь. Пакс с его типично французскими повадками и шармом — отлично подойдет: так утверждает Гаспар, претендующий на близкое знакомство с режиссером, вообще-то известным своими причудами и взрывным характером.

На самом деле Пакс — участник более обширной сделки, в которой он — только небольшой пункт. Его агент представляет также двух главных актеров фильма, он сумел договориться с дирек-

трисой по кастингу, которая параллельно работает на другом проекте и тоже рассчитывает на его помощь. Вместе они передвинули пару пешек на шахматной доске, и меньше чем за минуту комбинация сложилась.

Конкретные детали не важны: каждый знает, как функционирует система, и в результате не останется внакладе. Пакс сделал вид, что верит Гаспару, — о да, тот добился этой встречи ценой огромных усилий. Ему прекрасно известно, что реальность иная, что Свеберг не освободил специально для него четверть часа в своем загруженном расписании, а наоборот, заполнил встречей пустующую клетку в дневнике. Он понимает, как узко открывшееся окно возможностей, но с учетом маячащей на горизонте цели — оно огромно. И потому еще ускоряет шаг: Гаспар сказал прийти на встречу в костюме — так Свеберг сразу «увидит» его героя, настаивал Гаспар, это может сыграть решающую роль! И потому, повесив трубку, Пакс сразу прикинул маршрут от офиса «Театрико» до собственной квартиры (двадцать пять минут), где он натянет рубашку, пиджак и брюки, повяжет галстук (пять минут), и потом от дома до бара отеля «Лютеция» (еще двадцать пять минут).

Есть даже небольшой запас времени. «Чтобы компенсировать задержку поезда метро из-за нарушения графика, например... но не серьезный

сбой с отключением энергии... и уж никак не аварию или падение пассажира на рельсы», — думает он и сам удивляется ходу своих мыслей и сердится на себя за такой цинизм, — это на него не похоже, он расчетлив и тщеславен, но циником не был никогда. Это, кстати, тема его регулярных размолвок с дочерью: она высмеивает его политкорректность, он упрекает ее в прагматичности и отсутствии идеалов, то есть как раз в цинизме. Кассандра оправдывается тем, что теперешний мир более жесткий и закрытый, чем был у предыдущего поколения, и даже атакует: сочувствие и взвешенность поступков легче даются тем, кто успел вдоволь покуролесить в молодости, — но в конце неизменно сдается перед мастерской аргументацией отца: риторика, прочно усвоенная за годы работы в театре, дает ему несправедливую фору.

Пакс гонит прочь несвоевременные мысли. Он выходит из метро, сверяет время по часам. Снова поражается контрасту между недавним оживлением на площади Бастилии и тем спокойствием, что царит в районе его дома, где улицы носят уютные сельские имена Надежды, Фортуны, Орхидей, но застроены скучными серыми коттеджами. Мозг на секунду фиксируется на окружающей тишине, подпитывается ею, пытается продлить мгновение,

как олимпийский бегун, который замирает, собирается с силами перед попыткой взять мировой рекорд на глазах у замерших зрителей.

Через тридцать пять минут Пакс и сам встретит главное испытание своей жизни. Внезапно он осознает, насколько удобнее было жить с заурядным списком ролей. До сегодняшнего дня низкий потолок карьеры можно было списать на несправедливость системы, нерадивость агента. И представляться эдаким нераскрытым гением. Сколько раз ему доводилось говорить слова: «Эх, если б только мне дали шанс показать, на что я способен». Ну вот он и выпал, этот шанс. Лежит на серебряном подносе. Его позвали на пробы не в какое-то авторское кино и не в очередную комедию, его пригласил сниматься Питер Свеберг. И теперь перед ним только два варианта: пан или пропал. Либо он докажет, что талантлив, либо подтвердит, что все правильно и поделом ничего выдающегося ему не предлагали.

Металлическое карканье вороны возвращает его на землю. Он спохватывается, нащупывает в кармане связку ключей; перепрыгивая через ступеньки, взлетает по лестнице, мысленно проговаривая очередность действий: холодное полотенце — на

лицо, чтобы освежиться; туалетная вода, чтобы скрыть запах пота; костюм, рубашка, галстук.

Звуки достигают порога сознания, когда он накидывает пиджак. Хотя с момента, когда он вошел в квартиру, его должны были насторожить резкий скрип паркета, сотрясения потолка, буханье в стену, но сильная сосредоточенность на себе изолировала его от окружающей реальности. И лишь утробный рык и странные прыжки в квартире выше заставили его насторожиться и обратить глаза к потолку. Он ничего не знает про своего соседа — или соседку, — только то, что тот вселился, скорее всего, в начале месяца. Пакс помнит, что в августе на карнизе окна еще висела табличка об аренде. Он никого не встречал на лестнице, на площадке или у входа в дом — по крайней мере, никого из тех, кого бы не знал. И громкой музыкой ему никто не досаждал. Единственная подмеченная деталь — фамилия на соседнем почтовом ящике, написанная маркером на неровно наклеенной этикетке, — «А. Винклер». В его четырехэтажном доме только две квартиры заселены жильцами, в остальных — офисы компаний. Это как раз и привлекло его при выборе жилья: перспектива жить в почти безлюдном пространстве; по крайней мере, по будням после семи вечера и в выходные — нет никого, а есть заманчивая возможность разучивать роли вслух и во весь голос.

Шум нарастает — грохот упавшей мебели, падение тел, над ним идет жестокая драка, любой человек в нормальном состоянии сообразил бы, что там происходит что-то серьезное, но Пакс как раз не в своем нормальном состоянии, он торопится встретить судьбу, события с их толкованием доходят до него искаженно, в пересказе множества внутренних голосов, — ну, ссорятся, думает он, ничего страшного: мало ты сам собачился в период развода? Нет, правда, не лезь не в свое дело: куда это годится — вваливаться к чужим людям в разгар семейной размолвки? Может, это вообще не ссора! Может, у тебя просто разыгралось воображение? Ты слышал ругань? Крики о помощи? Один крик — да. Один, и к тому же краткий. Просто у тебя обострено восприятие, ты впитываешь все события, по ходу лепишь из них сценарий, такова актерская натура, актер все пропускает через себя, все преувеличивает.

Стоя перед зеркалом в ванной, Пакс разглядывает того, кем он стал: выглядит неплохо, старится красиво (остатки былой красоты, как ляпнула как-то Кассандра под горячую руку), но не особенно мускулист; он никогда не занимался спортом, разве что два года назад — пришлось специально накачаться для съемки в роли подручного мафиози;

если он ввяжется в драку, шансы на победу невелики. Скорее всего, он первый же попадет под раздачу, — при одной этой мысли ноги подгибаются и пульс начинает частить.

— Что я за дурак, — говорит он вслух, — довел себя до такого состояния, а там наверняка двигают кровать или собирают комод.

Он пристыженно смотрит на часы — весь резерв времени растаял, ушел на душевные метания, выбегать нужно немедленно, или последний вагончик успеха исчезнет вдали, — ну же! неужели удача пришла в его жизнь лишь для того, чтобы исчезнуть часом позже. На секунду мелькает мысль вызвать полицию, но Пакс отказывается от нее: еще придется объяснять, может быть, даже дожидаться приезда наряда. Он вспомнил, как несколько лет назад звонил в полицию по поводу кражи мобильного у Кассандры. И целую вечность слушал бесконечные фразы «вы позвонили в полицию, не вешайте трубку», — да за такое время можно сто раз убить человека. К тому же ничего серьезного не происходит: снова настала тишина, такая полная тишина... Как будто все ему только померещилось.

16.36 — он сует галстук в карман и захлопывает дверь, и видит спину мужчины, который сбегает вниз по лестнице и исчезает, — видит мельком и тут же выбрасывает эту картинку из головы —

все резервы мозга мобилизованы для грядущей встречи со Свебергом.

В 16.59 он переступает порог отеля «Лютеция».

В его нервной, сбивчивой походке — смесь растерянности, смущения и лихорадочного нетерпения, он как марафонец, что готов рухнуть без сил перед самой финишной линией и принять свое поражение.

Питер Свеберг улыбается. Вот он, его герой.